

Капитан и его Лирка. Каким был самый известный белгородский кинолог Фёдор Хихлушка

Капитан милиции погиб 7 апреля 1966 года под Белгородом при задержании опасного преступника

Памятник Фёдору Хихлушке и его собаке Лирке возле гимназии № 12 / Фото: Александр Куликов

Сегодня именем Хихлушки названа одна из улиц областного центра, а возле гимназии № 12 ему и его служебной собаке Лирке установлен памятник. «Белгородская правда» и люди, лично знавшие этого отважного милиционера, рассказывает, каким он был.

От Туркестана до Белгорода

Фёдор Хихлушка родился 7 ноября 1926 года в селе Староивановка Волоконовского района в крестьянской семье. После того как село в январе 1943 года освободили от оккупантов, 16-летний парень добровольцем ушёл на фронт. Служил Хихлушка в пограничном полку НКВД, во время Курской битвы охранял тыл войск Воронежского фронта.

Позже Фёдор Семёнович оказался в составе группы советских войск в Иране, а в 1944 году он участвовал в операции **«Чечевица»** – выселении жителей Чечено-Ингушской республики в Казахстан и Киргизию. Когда Великая Отечественная война завершилась победой СССР, старшина Хихлушка отправился служить в погранвойска в Туркестане, где впервые начал работать со служебными собаками.

После демобилизации из вооружённых сил Фёдор Семёнович окончил Могилёвскую среднюю специальную школу милиции и с 1951 года начал работать кинологом в правоохранительных органах – сначала в Валуйках, потом в Алексеевке. В 1958-м его перевели в Белгород, где поручили возглавить только что образованный центр служебного собаководства при УВД Белгородской области.

Хихлушка быстро заслужил уважение и авторитет сослуживцев, а белгородская кинологовическая служба с его приходом получила сильный толчок в развитии. Сам офицер лично задержал **более 100 правонарушителей** и раскрыл несколько десятков преступлений. Но события 7 апреля 1966 года стали для капитана милиции роковыми.

Во все тяжкие

В тот день после обеда в дежурную часть милиции в Белгороде поступил звонок от коллег из Курска: из черниговской воинской части **сбежал старослужащий** с автоматом и большим количеством патронов. Он убил водителя бензовоза и движется на этом грузовике по трассе Москва – Симферополь в сторону Белгорода.

В Обояни, нарушив установку просто сопровождать машину до границы с Белгородской областью, беглеца на мотоцикле попытался перехватить инспектор ГАИ старший лейтенант **Фёдор Калугин**. На железнодорожном переезде, где милиционер попытался обезвредить преступника, бензовоз снёс шлагбаум и продолжил движение в сторону Белгорода. Старший лейтенант Калугин остановил первый попавшийся грузовик и на нём пустился в погоню. Он догнал преступника на 603-м км трассы, за несколько сотен метров до границы с Белгородской областью. Фёдор Калугин открыл огонь по злоумышленнику, но попал в автомат дезертира. Тот ответил очередь и смертельно ранил милиционера. Калугина посмертно наградили **орденом Красной Звезды**.

В Белгороде быстро собрали опергруппу. В её состав вошли и сотрудники центра служебного собаководства местного УВД: старший инструктор капитан Фёдор Хихлушка с немецкой овчаркой **Лиркой** и стажёр **Николай Гребенюк** с **Ураном** той же породы.

Белгородская милиция заблокировала дорогу в 15 км от областного центра. Преступник предвидел такой поворот событий: он не стал дожидаться, когда нарвётся на засаду, и бросил машину. Через леса и поля пешком он стал пробираться к железнодорожной станции Шопино.

Плохая примета

С нервами у дезертира явно были нелады: он **стрелял** во всё, что видел, – количество боеприпасов позволяло. Дал очередь по молоковозу, милицейской «Волге» – благо никто от этих беспорядочных выстрелов не пострадал. Тем временем для его поимки на помощь к милиции выдвинулись и бойцы воинского гарнизона Белгорода.

Оперативной группе удалось загнать преступника в овраг под Беломестным. Дезертир палил в белый свет как в копеечку, ориентируясь на звуки мегафонов, через которые ему предлагали сдаться.

Фёдор Семёнович решил **брать преступника сам**. По воспоминаниям его напарника, Хихлушка очень переживал за свою собаку, которая стала вести себя беспокойно ещё во время выезда на задержание: это считается плохой приметой. Когда дезертир расстрелял очередной рожок из автомата и стал перезаряжать его, милиционер спустил Лирку с поводка и сам бросился вперёд. К сожалению, преступник очень быстро обращался с оружием. Он мгновенно перезарядил калашникова и выпустил очередь в бесстрашного милиционера и его собаку – они погибли.

Ходит легенда, что за несколько дней до этого при задержании очередного бандита капитану прострелили фуражку, однако на самом милиционере не осталось ни царапины. **Фуражку** на работе он сменил и пришёл домой в новой, а когда жена поинтересовалась, что со старой, ответил, что потерял. Та даже обрадовалась, что муж наконец-то сменил потрёпанный форменный головной убор.

С 1951 года начал работать кинологом в правоохранительных органах, – сначала в Ватуйках, потом в Алексеевке / Фото: vk.com/belgorodika

Когда Фёдора Семёновича не стало, на часах было **15:45**. Вскоре овраг оцепили солдаты белгородской воинской части. По убийце двух милиционеров и водителя бензовоза открыли огонь из всех стволов. Но негодяй упорно сопротивлялся и отстреливался, успев перед гибелью ранить двух солдат срочной службы.

На ликвидацию преступника ушло около 20 минут. Кстати, в Курске бытует мнение, что преступника расстреляли из БТР: так якобы сказали в сюжете местного телевидения, когда вспоминали гибель старшего лейтенанта Калугина.

Память о герое

На похороны Фёдора Хихлушки съехались люди со всей области, а белгородцы чуть ли не всем городом провожали милиционера в последний путь. 2 июля 1966-го его навечно зачислили в списки личного состава УВД Белгородской области, а 7 июля за мужество и самоотверженность, проявленные при исполнении служебного долга, капитана милиции Фёдора Хихлушку посмертно наградили орденом Красной Звезды.

13 июля 1966 года Белгородский горисполком переименовал улицу Северную, на которой жил Фёдор Семёнович, в улицу имени Ф. С. Хихлушки. В 1972 году в Нальчике впервые прошли Всесоюзные соревнования работников службы розыскного собаководства органов МВД СССР по специальному многоборью. Их победители получали переходящую статуэтку, которая изображала белгородского милиционера с **собакой**. Также в Белгороде с 1975 года ежегодно проводится турнир по дзюдо, посвящённый знаменитому кинологу.

Памятник Фёдору Хихлушке и его собаке Лирке возле гимназии № 12 / Фото: vk.com/belgorodika

Снова вспомнили о brave офицере десятилетия спустя, когда 9 ноября 2010 года на территории гимназии № 12 областного центра (в ней училась внучка милиционера) ему установили памятник. А в 2011-м школе, в которой есть памятный уголок в честь отважного милиционера, присвоили его имя. На пьедестале Фёдор Семёнович рядом с верной Лиркой. Этот памятник стал первым в России, посвящённым милиционеру-кинологу. Он очень похож на скульптуру «**Военному инструктору с собакой**», которую поставили в 2009 году в Терлецком парке Москвы.

На установку бронзового монумента потратили около **2 млн рублей**. Создал его московский скульптор **Олег Киевский**. Высота памятника – 3,4 м. Фёдор Хихлушка и Лира отлиты в натуральную величину.

«**Белгородской правде**» удалось найти жителей Белгородской области, которые лично были знакомы с Фёдором Хихлушкой.

Пёсья местность. Как белгородцы увековечили собак в топонимах и бронзе

«Не похож он тут на себя»

Людмила Штеменко впервые увидела памятник своему старому другу 27 декабря 2020 года:

«Я с Фёдором познакомилась в 1957 году, когда из Прохоровки приехала в Алексеевку навестить в больнице мать. Со мной была двоюродная сестра Лида, она вместе с Хихлушкой училась в милицейской спецшколе. В Алексеевку её назначили начальником детской комнаты милиции.

На первое время, пока мы не найдём квартиру, Фёдор Семёнович пригласил нас пожить у него. Дней десять прожили. Я тогда не работала, часто заглядывала к сестре в отделение. Федя меня на танцы провожал. Билет стоил 3 рубля, а он бесплатно проводил – милиционер всё-таки, старший лейтенант.

Однажды нас вместе с Фёдором пытались забросать камнями. Ну, я так думаю, что пытались, – мы шли по аллее, и вдруг шум в кустах, как будто что-то падает. Времена были бандитские, милиционеров не любили, а он же в форме шёл. На танцы отведёт и обратно, на дежурство. Я там, кстати, с будущим мужем познакомилась, так и осталась в Алексеевке.

С женой его, **Клавдией**, дружили. Когда они на огород уезжали, просили присмотреть за их дочерью Олей. Потом Фёдору дали звание капитана, и он в Белгород переехал. Но мы всё равно общались, он часто в Алексеевку приезжал, когда с собаками заключённых этапировали. Сколько его помню, всегда с **собакой**, но как её зовут, уже не помню.

Хороший был человек, добрый. Жалко его, молодым погиб – 40 всего было, на 10 лет старше меня. Тогда в прессе ничего не объявляли, я от сестры узнала, что он погиб при задержании, – им передали по милицейским каналам. На похороны не ездила, Лида его провожала в последний путь.

Вот впервые памятник ему вижу. Всё никак не получалось сюда добраться. Не похож он тут на себя. Фёдор покрупнее был, поплотнее, а тут дюже худого сделали. И лицо совсем не похоже: нос у него был с небольшой горбинкой, а тут прямой, как у Высоцкого».

Людмила Штеменко: «Вот впервые памятник ему вижу. Не похож тут Фёдор себя» / Фото: Александр Куликов

Умный пёс

Вспоминает **Владимир Штеменко**, сын Людмилы Николаевны:

«А я помню его собаку, но не Лирку, а **Сокола**. Лирка как-то вылетела из головы. Я в отделение к тётке часто сбегал из садика: у них в детской комнате игрушек много было – сидишь себе, своими делами занимаешься, никто не мешает, никаких запретов. Фёдора Семёновича всё просил сладкую воду сделать, он мне её с сахаром давал.

Как-то стало скучно, вышел на улицу, а там Сокол – большая, серая, как волк, овчарка. Он на привязи по всему двору мог бегать. Ну я к нему и подошёл, а ума ж нет, стал сыпать ему из совочка песок на нос.

Он сидел молча, а я сыпал и сыпал. Скоро ему это надоело, и, когда я отвернулся за очередной порцией песка, он мне на спину прыгнул и сверху уселся. Умный пёс был. Я в крик, слёзы, выбежали люди на улицу и увидели эту картину. Сокол слез, а меня в отделение отнесли, спину одеколоном намазали – он её когтями немного поцарапал. Больно стало, я опять орать. Тогда мать из типографии вызвали, она меня домой забрала, так и закончилось это приключение».

Александр Куликов